

2. Щедровицкий Г. П. Система педагогических исследований: методологический анализ // Педагогика и логика. – 1993. – С. 16–20.
3. Бердяев Н. А. Самопознание. – М. : Книга 1991. – 448 с.
4. Асмолов А. Г. Психология личности. – М. : Изд-во МГУ 1990. – 368 с.
5. Гершунский Б. С. Философия образования для XX века. – М. : Совершенство, 1998. – 608 с.
6. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Соч. – М., 1990. – Т. 6. – 452 с.
7. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – М. : Прогресс : Культура, 1992. – 414 с.
8. Асадуллин Р. М. Формирование личности учителя как субъекта педагогической деятельности : дис... д-ра пед. наук. – М., 2000. – 389 с.
9. Кудрявцев В. Т., Уразалиева Г. К. Многомерность человека как проблема философии и науки : тез. докл. Всесоюз науч. конф. (Рудный, 11–12 сентября 1991 г.). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tovievich.ru/book/8/138/1.htm>
10. Фёдоров Ю. М. Сумма антропологии. – Новосибирск : Наука, 1994. – Кн. 2 : Космо-антропо-социо-природогенез Человека. – 402 с.
11. Мясичев В. Н. Психология отношений. – М. : Ин-т практической психологии, 1998. – 368 с.
12. Тишин А. И., Эгембердиев Т. М. Фрактальность человека // Проект «Синергетика в школе». – [Электронный ресурс]. – URL: http://sins.xaos.ru/articles/articles_r017.html (дата обращения: 10.02.2012).
13. Николаева Е. М. Теоретико-методологические и мировоззренческие основания синергетической концепции социализации // Инновации в образовании. – 2008. – № 3. – С. 57–66.
14. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. – М. : Комкнига, 2007. – 272 с.
15. Курдюмов, С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика – теория самоорганизации. – М. : Знание, 1983. – 186 с.
16. Синергетика и психология: методологические вопросы / под ред. И. Н. Трофимовой, В. Г. Буданова. – М., 1997. – 265 с.

Принята редакцией: 13.11.2012

УДК 13 + 37.0 + 316.7

ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЕ, ЧЕЛОВЕК И ОБРАЗОВАНИЕ

А. А. Гордиенко (Новосибирск)

В статье предпринята попытка раскрыть онтологические основания трансцендирования как процесса, где реализуются истинно человеческое измерение человеческое бытия. Сформулированы предпосылки «восстановления» трансцендирования в современной образовательно-воспитательной среде.

© Гордиенко А. А., 2013

Гордиенко Алексей Аркадьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук.

E-mail: gordienko.22@mail.ru

Ключевые слова: трансцендирование, чувственный резонанс, человекообразующий контур, резонансная настройка глубинных оснований человеческого в индивидуе.

TRANSCENDING, HUMAN BEING, EDUCATION

A. A. Gordienko (Novosibirsk)

In this article we attempted to discover the ontological base of transcending, the most human process of human existence. We also proposed the conditions for reconstruction of transcending in the modern educational system.

Key words: *transcending, sensuous resonance, human-formative pattern, resonance adjustment of the profound human basis in the individual.*

Мир человечества вступил в эпоху перемен. Судя по всему, перемены обуславливаются не теми периодическими кризисами, которые возникают в процессе перехода от одного технико-экономического уклада к другому. Речь идет, по-видимому, о кризисе, связанном со сменой метафизических оснований культуры, это всерьез и надолго. Чтобы понять происходящее и обрести ориентиры, Г. Г. Малинецкий, вслед за А. Тойнби, предлагает «расширить во времени и пространстве поля научного анализа», «взглянуть на окружающее с высоты» [1, с. 10]. Как представляется, это высота связана с обращением к тому пространству и времени, в котором зарождалось человеческое в человеке, шел процесс человекообразования.

Основы современной картины мира восходит к античности, когда складывались основные понятия, упорядочивающие предметно-чувственный опыт. Опираясь на эти понятия, философы и ученые Нового времени создавали классическую науку. При этом важное значение придавалось исключению субъективности из познавательного процесса с целью получения объективного знания. Они были убеждены, что только так можно преодолеть субъективизм и открыть безотносительную истину, отринув по существу «человеческие по своему характеру истины» (Э. Гуссерль). Однако изгнание жизненных смыслов из науки породило не только кризис европейской науки и культуры, но и стало причиной «радикального жизненного кризиса европейского человечества» [2, с. 68–76]. Кризис западной культуры и западного общества обуславливается тем фактом, что рациональное сознание, допускающее возможность операционального обращения с данными сознания, «забыло», что оно само есть часть того сверхъестественного, метафизического пространства, в котором становится (образуется) человеческое в человеке. Такое пространство возникает как результат трансцендирования, прорыва первочеловеком собственной биологической природы и выхода в мир метафизики.

Таким образом, для преодоления «забывчивости» рационального сознания необходимо представление самого трансцендирования как процесса, где складываются условия для становления человеческих качеств, реализуется истинное человеческое измерение. Сами по себе условия, в которых возникают человеческие качества, формируется человеческое в че-

ловеке, – онтологические основания трансцендирования. «Восстановив эти скрытые, ушедшие на дно культуры условия», мы обнаружим «жизненный эфир понятий» [3, с. 11–18], «жизненный эфир» рационального сознания.

Понимание процесса формирования человеческого в человеке (человекообразования) во многом связано с представлением о том, какими факторами обуславливается процесс антропогенеза. В данном случае мы исходим из гипотезы, суть которой в том, что предпосылки человеческого в человеке возникают в связи с формированием чувств в первичном сообществе первобытного человека. Первоначально чувственные взаимодействия имеют спонтанный характер и начинают складываться в процессе бесконечного повторения в повседневной жизни первобытного сообщества специфического состояния, которое можно назвать чувственным резонансом. «У первобытных людей такого рода состояния возникали, прежде всего, на охоте, причем не на любого зверя, а на наиболее опасного» [4, с. 119]. Охота на такого зверя могла быть успешной только тогда, когда первобытные люди действовали группой, совместно. Оказавшись перед лицом возникшей вдруг в процессе охоты опасности с возможной трагической развязкой, тот или иной первочеловек переживал огромное эмоциональное напряжение, преодолевая страх (витальные потребности) и собираясь перед броском. В группе его (конкретного первочеловека) напряжение передавалось другим участникам данной ситуации, резонируя их приготовления к действию. Возникал ситуативный чувственный коллектив, который заражал и заряжал каждого, и наоборот – чувственно-эмоциональные состояния каждого передавались коллективу, и в нем возникали определенные ситуативные чувственные связи.

Надо сказать, что прачеловек и первые люди отличались как высочайшей эмоциональностью, так и способностью копировать поведение животных и сородичей, либо сдерживая свои эмоции, либо заражаясь от них эмоционально. Приготовления к совместным действиям, как и сотрудничество в чувственном резонансе, возникая спонтанно (их заранее никто не предугадывал и тем более не планировал), являются обратной стороной звериного инстинкта, который издревле обеспечивал защиту пралюдей от угрозы своему существованию. Логика такой защиты (как впрочем, и агрессии): «или пан, или пропал», «или я, или меня». Тем самым чувственный резонанс разворачивался в столкновении жизни и смерти, разрушительных и созидательных начал. Он порождал жизнеутверждающее напряжение в контексте спасения и обеспечивал переход через Ничто (каковой является смерть) к жизни. Происходило это потому, что эмоции, возникая произвольно, как непосредственное переживание прачеловеком предельной ситуации, переплавлялись в чувство, содержанием которого является переживание эмоционального подъема от плеча друг друга, совместного действия, позволяющего уничтожить врага. Так, на основе эмоций и чувств осуществлялась мобилизация всех возможностей индивида и группы, и в результате складывался первичный коллектив, возникали спонтанные, произвольные – относительно биологических возможностей индивида и популяции – действия (в данном случае, инстинкта страха). Их первичный источник – захваченность первочеловека и кол-

лектива сильнейшим эмоциональным порывом, направленным на преодоление предельной ситуации, когда каждый из них и все вместе (если бы не были организованы чувственным порывом) могли бы быть уничтожены мощным зверем. При этом первичный эмоционально-чувственный порыв каждого, обусловленный ужасом перед такой угрозой, усиленный эмоциональным резонансом с другими, мобилизовал всю внутреннюю энергию индивидов, формируя такое их действие, которое позволяло им добиваться сверхрезультата: убивать зверя, во много раз превосходящего каждого из них по силе и эмоциональной мощи. Здесь первочеловек не отказывался от себя, а преодолевал себя и свое воображение, возникающее от инстинктов в зачине предельной ситуации, побуждавшее, в частности, к тому, чтобы убежать от зверя. При этом человеческие влечения и страсти, преображаясь в чувственном резонансе, становились источником преодоления себя, выступали как первоисточник человекообразования и как сама культура. В этом процессе и складывались культура как способность к самодетерминации через Другого. Можно говорить, что человеческая культура возникает из «спонтанного, ничем не стреноженного выражения душевного жара» [5, с. 501–502] конкретного индивида и первичного коллектива, складывающегося, в данном случае, в предельной ситуации. «Она вырастает из хаоса, из глубин обостренных, труднонасыщаемых влечений человека» [5, с. 502]. *Следовательно, в культуре и самом человеке «проступает иррациональное содержание».* Но оно подчинено гармонии всецелого, поскольку влечения и страсти человека в чувственном резонансе возникают и действуют в силу потребности выживания, которая разворачивается ситуативно, сообразно конкретной объективной необходимости, а исторически – сообразно упорядоченности Универсума, формируя духовные основания человеческой деятельности. Это происходит потому, что, как пишет П. С. Гуревич, «культура спонтанна и открыта всем ветрам. Она сродни хаосу, потому, что ее омывают подземные воды. В ней нет жесткой предустановленности. И в то же время, культура не слепа. Духовное преображение в ней подчиняется тайной гармонии мироздания» [5, с. 502].

Предпосылки духовного стержня человека

Принципиально важно то, что произвольные (относительно биологических возможностей человека и популяции) действия возникают не только по причине сильнейшего эмоционально-чувственного порыва, направленного на преодоление предельной ситуации. Это лишь первичный импульс. Резонируя друг с другом и особенно с тем, кто оказался в центре ситуации, индивиды-особи оказываются объединенными общим чувственно-эмоциональным порывом, который дает силы каждому и всем вместе. Каждый заряжает другого и заряжается от окружающих, ощущает себя обладателем не только своей мощи и не просто суммы сил всех, но и той некой общей силы, которая больше этой суммы и не сводится к ней. Это не просто некая сила, она завораживает каждого, дает вдохновение благодаря тому, что каждый чувствует себя не только частью группы и обладателем мощи всей группы, но еще и причастным к некому новому началу, возникающему как бы из новой реальности, в которой оказываются

все они вместе. Это новое начало завораживает настолько, что, обусловленные чувственным взаимодействием, действия индивидов разворачиваются как самоограничения, как преодоление витальных потребностей (страха, например, который либо парализует, либо вызывает стремление убежать). Это самоограничение возникает раньше того, как человек начнет действовать. Оно развивается как естественный, исходящий от самих индивидов регламент в интересах коллективного действия.

Первоначально такой регламент (или аскеза, поскольку исходит от самих индивидов, охваченных завораживающей их силой) складывается у человека в чувственном резонансе с Другим, перед Ничто и выступает для него как прозрение-интуиция, озарявшая человека в момент сильнейшего чувственно-эмоционального напряжения, которое стало для индивидов своего рода принципом выживания. *В этой связи акт прозрения-интуиции есть первичный момент трансцендирования, когда преодолевается физическое существование собственная биологическая природа и совершается прорыв в новое сверхбиологическое, сверхчувственное, сверхестественное бытие.* Это бытие-прецедент, возникая в совместных действиях, обеспечивающих преодоление предельной ситуации, вызывает у каждого ощущение «благонамеренности к нему Вселенной» (Д. И. Блохинцев), в нем вспыхивает искра «благоговейного отношения к миру», доверия к миру. Обретая благоговение перед благонамеренностью всецелого, человек оказывается в ситуации, когда доминирующим для него становится не столько спонтанное воздействие на мир (всецелое), сколько стремление «прочувствовать окружающий мир», «прислушаться» к нему, довериться ему, оказаться ведомым, смиренным перед ним. Это произвольное (относительно биологического существования) чувство и ведение и есть предпосылка аскезного преображения человека. Так, в чувственном прорыве человеку приоткрывается нечто, что находится как бы за пределами наличной реальности, нечто нереальное, надприродное, что позволяло ему не только спастись, но и ощутить в результате прорыва-спасения своеобразное благоговение перед некой тайной, к которой он приобщился. С этим чувством тайны связана вера в существование неведомого, неизвестного, но живого и истинного. При этом вера в существование чего-то таинственного, могущественного, возникая в контексте спасения, возбуждает новое воображение человека, которое принципиально отличается от воображения, вызываемого инстинктами. Если природные инстинкты, будучи привязанными к плоти, «порождают психические отправления плоти», которые состоят «в реагировании стоном и криком на боль, ударом – на удар, обидой – на обиду, ненавистью – на ненависть» [6, с. 92], то воображение, возникающее от веры, доверительного отношения к миру, природе, космосу (всецелому), становится той силой, которая позволяет справиться с раздирающими человека аффектами. Тем самым человек, преодолевая предельную ситуацию, обретает своеобразный духовный стержень, душевную силу, благодаря которой он в состоянии контролировать свои эмоции и аффекты, в антропологической перспективе он приобретает способность «ответить улыбкой на боль, незлобивым словом на удар, спокойствием на обиду, любовью на ненависть» [6].

Первичные протонравственные регулятивы

Процесс смерти-возрождения, разворачивающийся посредством чувственного резонанса с Другими на основе собственного «душевного жара», содержит в себе возможности для проявления своего «Я». Пусть это «Я» не дифференцировано от «мы», поскольку оно возникает чувственным образом, но оно востребовано как авторская позиция, без реализации которой невозможно спасение всех и каждого. Это означает, что здесь «Я» и «мы» – не безликая неопределенность, но живое сообщество, которое возникает как синергетическая система авторских действий чувственно взаимодействующих индивидов, каждый из которых вносит неповторимый вклад в общее дело преодоления предельной ситуации. Здесь «Я» выделяется чувственно, не посредством самосознания, а как гармоническая часть синергетической целостности, которая возникает на основе чувственного ситуационного поля, «генерируемого» уникальными чувственными «Я» каждого участника предельной ситуации. Более того, оказывается, что здесь, в этом взаимодействии, предпочтение отдается не чувственному «Я», а чувственному Другому, первоначально представленному чувственным коллективом, как чувственным «мы». Это связано с тем, что «Я» здесь существует и развивается как потенциал самостояния через Другого. Именно чувственная коммуникация с Другим позволяет преодолевать не только собственные инстинкты, но и дает за счет резонанса с ним дополнительные возможности, позволяющие выйти за пределы биологической природы. Здесь самость индивида как нахождение в себе не только совершает спасительное движение благодаря Другому, но и осуществляет произвольное (относительно своей биологической природы) произведение себя. Это означает, что произведение себя как и распознавание и развитие самостного мира индивида (его внутреннего «Я») возможно благодаря появлению Другого в предельной ситуации. Поистине, движение к Другому означает прорыв человеческого в бытии. *В результате Другой имеет превосходство перед «Я», происходящее из этой его диспозиции.* Поэтому стремление быть во взаимодействии с Другим выше автономной чувственности и исключает сосредоточенность на себе. Кроме того, преодоление предела и выход в метафизическое сверхчувственное пространство в коммуникации с Другим приводит к тому, что самость человека как «нахождение в себе» оказывается обращенной к экстериорной сфере, благодаря (трансцендентному) метафизическому движению. Это метафизическое движение, к тому же обеспечивающее выживание в пограничной ситуации, не могло не сформировать определенные императивы по отношению к себе. Этим императивом является метафизическое желание, интенция которого направлена непосредственно к Другому. Таким образом, выход в человеческое бытие как человеческая способность обнаруживается не в отношении человека к самому себе или к миру, а в его устремленности и способности общения с Другим. Очень важно, что непосредственная (чувственная) близость Другого, обеспечивающая выживание в пограничной ситуации, развивает чувство благодарности, инициирует доверие и доброту. Тем самым атмосферу чувственного диалогического пространства заполняет доброта. *Доброта не является ни идеей, ни принципом, ни интенцией желания. Она есть представленная в*

ситуации пограничной сотворенности гармония коэволюционных взаимодействий «Я» с Другим.

Обратим внимание и на то, что направляемые друг другу в предельной ситуации эмоционально-чувственные флюиды не только объективно предстают для каждого как весть о местостоянии Другого, но и образуют некое спонтанное поле эмоционально-чувственного взаимодействия (взаимной совести), в котором каждый естественным образом предъявляет «весть-правду» о себе, о своих возможностях в контексте спасения. Это значит, что предъявляемая в этом поле правда о себе имеет смысложизненное значение. Такое взаимодействие проявляется как своеобразное силовое поле, которое, захватывая всех и каждого в контексте его возможностей, обеспечивает преодоление угрозы. Возникающие в процессе преодоления предела позиции (местостояния) индивидов конфигурировались на основе этого силового поля совести. *Так утверждается некая ценность правды и складываются условия для формирования ценностных оснований человечности.* Так возникают отношения «Я» и «Другой», «Я» и «живая общность», в которых эмоционально-чувственное резонансное взаимодействие, обеспечивая прорыв через предел, изначально формировало чувственно-этическое отношение к другому. Можно заключить, что для чувственного резонанса, так сказать, «оплодотворенного» трансцендированием, характерна интенция на освобождение от чрезмерной эмоциональной сосредоточенности на собственном «Я», обеспечивающая генезис чувства ответственности. Здесь ответственность, возникающая как атрибут аскезного бытия, как естественная обязанность «Я» Другому, обусловлена асимметричным чувственным контактом с ним и возникающим метафизическим императивом.

Знания о предметной объективной реальности

В предверии предела взаимодействие пралюдей может быть представлено как неупорядоченное поле «броуновских» эмоционально-чувственных порывов, включая и порывы, направленные на то, чтобы убежать от угрозы. В прорыве через предел этот спонтанный «броуновский» хаос конституируется в стройную систему чувственного резонанса. Первлюди оказываются в некоем невидимом, но вместе с тем реально действующем и соединяющем их эмоционально-чувственном пространстве, сплачивающем их в коллектив, захваченный общим порывом. Так или иначе, между ними возникает некое силовое поле, индуцирующее их совместную деятельность, благодаря которому они к тому же начинают действовать сообразно предельной ситуации, предвосхищая ее в контексте более высокого, относительно их биологических возможностей бытия. «Броуновский» хаос оказывается обузданным, и процесс эмоциональных порывов гармонизируется в контексте спасения. При этом резонансное поле колоссально раздвигает диапазон переживаний – чувства обретают широкое разнообразие от разноместного состояния особей в прорыве, обогащаясь переживаниями, в том числе в контексте взаимодействия и с объектами окружающей природы конкретного местопребывания. В акте трансцендирования осуществляется «вчувствование» во внешние человеку предметы и действия с ними. Это происходит через ощущение собственного тела, его местостояния в прорыве через предел, в том числе и в кон-

тексте использования наличных предметных объектов окружающей природы (включая возможности ландшафта) в качестве средств, усиливающих собственные возможности, а также возможности всего чувственного сообщества. При этом объекты природы уподобляются самому человеку, то есть выступают такими же партнерами Я в чувственном прорыве, как и Другой (мы). Поток такого вчувствования разворачивается относительно местостояния в системе внешних материальных предметов и в контексте чувственного взаимодействия с Другим в процессе преодоления-спасения. Этот процесс сопровождается мощным чувственно-эмоциональным и волевым усилием индивидов, максимальным напряжением и интенсивным восприятием, когда завязываются в единый «узел» эмоции и высшие чувства и происходит произвольное (относительно биологической природы особей и их популяции) действие. Первичный акт трансцендирования тем и отличается, что основной вектор такого произвольного действия выступает как произведение себя. Одним из «продуктов» такого произведения себя становится формирование «сферы предмыслия» [8, с. 67] – тех структур подсознания (коллективного бессознательного), в которые «врождаются» такие чувственно-эмоциональные определенности предельного прорыва, как напряжение местостояния в контексте резонанса с Другим (мы) и обусловленная этим резонансом динамика эмоционально-чувственного всплеска, направленного на преодоление Ничто. Так складываются те врожденные структуры, которые в антропологической перспективе образуют «опорные интуиции», обеспечивающие прямое распознавание «важнейших предельных определенностей»: времени, пространства, отношения, различия, сходства, должного [8].

Протоэстетические переживания

Произвольное действие в чувственном резонансе восходит к телесно-природным основаниям индивидов, «завязывая» каждый раз в «единый узел» первичные эмоции и высшие чувства и тем самым провоцируя индивида «к диалогу откровений» и «возделыванию» себя. Обусловлено это замечательной особенностью эмоциональных переживаний, которая состоит «в том, что они одновременно охватывают как глубинные слои биологического уровня регуляции, так и высшие этажи тончайших социальных чувств» [8]. Человек благодаря такому охватыванию находится в единстве с природой, внутренней и внешней (то есть обеспечивается соматическое единство человека, ощущение единородства с природой внешней). Жизнь человека в таком единстве с природой разворачивается как целостная система, в которой на фоне звериного существования возникает чувственность как основание взаимной поддержки и сотрудничества и индивиды гармонически взаимодействуют между собой, природой и всецелым. *Эта гармония, придавая эмоциям ни с чем не сравнимую прелесть, облагораживает их, формирует чувство красоты жизни. Так в чувственном коллективе возникает механизм облагораживания чувств на основе красоты.* Формирование такого типа взаимоотношений открывает не только широкие возможности «возделывания» индивидами себя, своей внутренней природы на основе их коэволюции, но и расширяет «узы-линии», связывающие первичное сообщество с природой внешней.

Возникновение этих «уз-линий» вдохновлялось чувством благонамеренности Вселенной к человеку, включением объектов природы в чувственные связи и в дальнейшем обусловлено развитием средств труда и первобытного искусства. Тем самым элементы природы инициируют чувственный мир, причем некоторые его образования иначе, как через природные связи человека, возникнуть не могли. Изучение мировосприятия древних людей показывает, что для первобытного человека было характерно внимание к Небу и светилам, и, в частности, устремленность к бытию в согласии и гармонии с движением в космическом пространстве Луны и Солнца [9, с. 7].

Человекообразующий контур: Я – Другой (мы) – сообщество – мир – природа – космос

В первичных актах очеловечивания очень наглядно проявлялось то, что отдельный первочеловек не был развивающимся объектом, поскольку механизм его изменений лежит вне индивида как эмпирического существа, но внутри его же субъектности. Здесь действительно нельзя говорить, как пишет С. А. Смирнов, «о некоем готовом натуральном развивающемся объекте», а надо говорить «о пространстве культурного развития как о действительности, внутри которой развитие понимается как конституирующий принцип организации этого пространства, которое выстраивается самими субъектами развития» [10, с. 36]. Именно в этом пространстве оформляются чувства, возникают условия для формирования сверхчувственной сферы, причем очень важно, что все это направлено прежде всего на преобразование субъектом себя, формирование структуры своего поведения, а уж через это на преобразование мира. Таким образом, очень важно понимать, что собственно человеческое не находится в отдельном индивиде и тем более в отдельном физическом теле. В них имеются лишь предпосылки человеческого начала. Индивид становится человеком в человекообразующем контуре, ядром которого является чувственный коллектив и который простирается в мир, космос.

Таков процесс человекообразования и его первопродукты, в том числе и те, которые образуют психофизические структуры индивидов, а также и коллективное бессознательное общностей и обществ, первичные формы сознания и самосознания. Все это можно назвать первокультурой, которая была создана первочеловеком в человекообразующем контуре в процессе трансцендирования. Здесь нет места для обсуждения вопроса о том, как эти сверхчувственные образования становятся достоянием сознания. Нет места и для описания происходивших и происходящих в эволюции человека процессов нарастающего разрушения его духовно-целостного бытия и прежде всего человекообразующего контура, о котором речь шла выше.

Сосредоточимся на том, что, как представляется, предложенная модель человекообразования позволяет увидеть те «скрытые, ушедшие на дно культуры условия», которые суть «жизненный эфир понятий». И в связи с этим попытаемся понять (хотя бы в первом приближении) то, что можно сделать для того, чтобы восстановить эти условия. Прежде всего, надо понять, есть ли объективные предпосылки для такой постановки вопроса. Резюмируя все сказанное выше, следует отметить, что человек рождает-

ся и попадает в окружающий его предметный мир, природу. Это его первое рождение – здесь он биологическое существо. Природа дарит ему жизнь, но и отнимает ее, причем с полным равнодушием. Природе нет дела до человека, пока самому человеку нет дела до себя. Действительно, природа равнодушна, но в той части космоса, в которой она создала человека, она стремится к гармонии, выступая как всецелое. Дело человека заключается в том, чтобы творчески включиться во всецелое, в эту гармонию. В этом смысл «второго рождения». Процесс этот начали наши прародители-перволюди, заложив в нас первокультуру. Как представляется, спасение, образование и воспитание современного человека, по большому счету, заключается в возвращении к этой первоначальной гармонии, в ее современной форме. Что для этого есть у современного человека? Прежде всего, следует сказать, что у каждого из людей есть шанс к утверждению первоначального состояния души постольку, поскольку состояние первотворчества повторяется у каждого в детстве, «когда все дается даром. Душа еще не отделена от родимой Всецелости, пуповина не оборвана, душа слышит вселенскую тишину и переполняется бытием. Это безгрешность еще условная. Условность может быть нарушена, и произойдет грехопадение – отделение от Всецелости» [11, с. 467]. Эта условность существует потому, что душа ребенка, как и первозданного человека, еще не знает сознательного сотрудничества с Всецелым. «А только для этого сотрудничества, сотворчества мы созданы. <...> И только тогда, когда мы становимся со-трудниками, состояние единства с Целым становится безусловным, а отпад, изгнание из своего космического «Я» – невозможным» [11, с. 467]. Но дело не только в том, что у каждого из нас есть шанс к первотворчеству. Первоначальное стремление к единству с целым не есть нечто пассивное. Оно определенным образом проявляется.

Как представляется, заложенные в нас прародителями психофизические структуры после нашего рождения и появления в этом мире требуют актуализации. Они «гонят» неопита к первозданной полноте человеческого бытия, к его горизонтам-пределам, к тем условиям, где начинается трансцендирование. И даже в потребительском обществе, где каждый лишен первозданной полноты человеческого бытия, «именно эта лишенность и порождает смутную волю к восполнению и томлению по непроходящему бытию – загадочное стремление обреченных на смерть людей к некой вечной жизни» [11, с. 468]. Наличие этой смутной воли, с одной стороны, внушает оптимизм, с другой – предполагает осмысление в системе современного воспитания и образования таких практик, в которых происходит резонансная настройка глубинных оснований человеческого в человеке, добытых и заложенных в каждого из людей нашими прародителями-перволюдьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Малинецкий Г. Г.** Предисловие. Книга надежды // Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. – М.: URSS, 2012. – С. 10–32.
2. **Гуссерль Э.** Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 400 с.

3. Мамардашвили М. Сознание как философская проблема // Вопр. философии. – 1990. – № 10. – С. 11–18.
4. Еремеев А. Ф. Первобытная культура: происхождение, особенности, структура. – Саранск, 1996. – Ч. 1. – 160 с.
5. Гуревич П. Первообразы культуры // Лики культуры : альманах. – М. : Юрист, 1995. – Т. I. – С. 500–515.
6. Капышев А., Колчигин С. Философия грядущего. Истинный Путь человека. – Изд. 2-е. – М. : Белые альвы, 2006. – 224 с.
7. Крушанов А. А. И целого жизненного мира мало // Вестн. РФО. – 2011. – № 4.
8. Полис А. Ф. Соотношение социопсихической и биопсихической детерминации поведения человека // Вопр. философии. – 1982. – № 1. – С. 63–70.
9. Ларичев В. Храм «Сотворения мироздания» // Наука в Сибири. – 2005. – № 34.
10. Смирнов С. А. Культурный возраст человека: философское введение в психологию развития. – Новосибирск : Офсет, 2001. – 261 с.
11. Миркина З. Дорога к внутреннему храму // Лики культуры : альманах. – М., 1995. – Т. I.

Принята редакцией: 23.11.2012

УДК 159.9 + 13 + 316.7 + 37.0

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ ПАРАДИГМА КАК ОСНОВА ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

М. С. Яницкий, А. В. Серый (Кемерово), Ю. В. Пелех (Ровно, Украина)

Рассматривается трансформация ценностей, характерная для постмодернистского общества и определяющая возрастание значимости ценностно-смысловой проблематики в постнеклассической науке. Обосновывается ценностно-смысловая парадигма личностного развития, определяется ее категориальный строй. Аргументируется значение ценностно-смысловой парадигмы как методологической основы постнеклассической педагогической психологии. Развитие ценностно-смысловой сферы учащегося рассматривается одновременно и в качестве цели, и в качестве результата педагогического процесса. Анализируются предмет и задачи новых областей психолого-педагогической науки и практики – педагогической аксиологии и аксиопедагогики.

© Яницкий М. С., Серый А. В., Пелех Ю. В., 2013

Яницкий Михаил Сергеевич – доктор психологических наук, профессор, декан социально-психологического факультета, Кемеровский государственный университет.

E-mail: dekanspf@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий, Кемеровский государственный университет.

E-mail: avgrey@yahoo.com

Пелех Юрий Владимирович – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе, Международный экономико-гуманитарный университет им. акад. С. Демьянчука.

E-mail: pelekhyurii@ukr.net